

ПРОЛОГ

— Пока везли, давление упало! Пульс едва прощупывается.

— Так, давайте, берем!

— Раз, два...

— Капельница! С капельницей осторожнее!

— ...три! Взяли!

Четыре пары рук аккуратно переложили ее с каталки на операционный стол. Казалось, все просто беспорядочно суетятся, бегают вокруг да около, но на самом деле врачи и медсестры двигались слаженно, каждое движение было четко отработано. Оно и неудивительно: пациенты в больнице — один за другим, потоком, да и в ситуации ничего нового нет. Аварии на дорогах — сплошь и рядом.

С девушки, что лежала теперь на столе, сняли всю одежду. Нагота никого не смущала — ни ее саму, ни медиков, и было в ней что-то правильное, завершенное: каким пришел человек в этот мир, таким ему и уходить.

По разные стороны вечности

Бледное тонкое лицо девушки прежде многие находили пикантным: капризная линия рта, чуть вздернутый нос, родинка на левой щеке. Сейчас никому не было до этого дела, никто не смотрел оценивающим взглядом.

Густые темные волосы ее слиплись от крови; худенькое тело казалось почти детским и странно плоским. Глаза были закрыты, но если бы она открыла их, то цвет оказался бы яблочно-зеленым: необычный, редкий оттенок — многие даже думали, что это цветные линзы.

Непривычно было видеть это тело, это лицо не в зеркальном отражении, как обычно.

«Вот я и взглянула на себя со стороны», — подумала она.

Кардиомонитор надрывался сигналом тревоги. По экрану, образуя диковинный узор, скакали зубцы.

— У нее фибрилляция желудочков!

— Дефибриллятор! Быстро!

Измученное сердце работает плохо, не справляется со своей задачей. Ему не под силу качать кровь, и в эти самые секунды клетки мозга голодают, умирают от недостатка кислорода... Но почему это нисколько ее не занимает? Как будто та девушка, за чью жизнь сейчас изо всех сил борется бригада медиков, — чужой, да к тому же

АЛЬБИНА НУРИ

не слишком приятный ей человек. Эти люди хотят вернуть ее, а она смотрит на их потуги почти равнодушно, потому что...

Потому что не хочет возвращаться обратно? Потому что так — без боли, без страха и страданий — лучше, спокойнее?

Разряд тока молнией прошел лежащую на столе девушку. Кажется, все мускулы одновременно дернулись, мощная волна встряхнула хрупкое тело.

Смотреть на это было неприятно, она поморщилась и отвела взгляд в сторону. Только зачем вообще стоять тут, если можно уйти?

Она повернулась и пошла к двери, оставив за спиной отрывистые реплики врачей, пиканье аппаратуры, слепящий свет, звяканье инструментов. И знакомую незнакомку, которая так и осталась лежать на столе сломанной куклой.

В коридоре свет был совсем другой — мягче, теплее. Здесь тоже были люди — и довольно много. Почти все — в медицинских халатах и костюмах. Но они, так же, как и те, что остались в операционной, не обращали на нее никакого внимания.

«Я же голая!» — мелькнула в голове мысль, и в тот же момент она поняла, что на ней надета ночная рубашка. Короткая, выше колена, кра-

По разные стороны вечности

сивая и нарядная — кремовая, с синими цветочками-васильками.

Эту ночную рубашку мама купила ей, когда они собрались в Крым на каникулы. Славное было лето. Сначала они отдыхали вдвоем, потом, через две недели, завершив дела на работе, к ним присоединился папа.

Правда, ей тогда было тринадцать лет, и ночнушка эта давным-давно изнасилась, пошла на тряпки...

Но сейчас она снова оказалась на ней, сидела ладно, по фигуре, и это казалось совершенно естественным, нормальным. Она провела руками по бедрам, разглаживая складки. Ноги, правда, так и остались босыми, но это не причиняло никакого дискомфорта: пол не охлаждал ноги, она ступала по квадратным плиткам, как по ковру, и он вроде бы даже пружинил, словно помогая идти.

Она пошла дальше, сама не заметив, как оказалась в другом коридоре. Вдоль стен здесь стояли стулья и диваны, на невысоких столиках лежали журналы, но никто не читал. Здесь вообще почти никого не было. За окнами — темнотища: и когда только успела наступить ночь?

Но если задаться этим вопросом, неминуемо начнешь мысленно возвращаться к тому, что

АЛЬБИНА НУРИ

случилось до того, как она здесь оказалась. А делать это было так же неприятно, как наблюдать за самой собой, лежащей на том столе. Поэтому какая разница — стемнело и стемнело.

Слева на диване, в самом углу, сидел мужчина. Одна рука лежала на подлокотнике, вторая была прижата к горлу. Когда он сильно нервничал, всегда сжимал шею так, будто хотел сам себя задушить.

Она подошла ближе.

— Миша, не надо... Зачем ты сразу о плохом, — тихо проговорила молодая женщина, которая сидела с ним рядом, обнимая его за плечи.

— Да-да, Ксюша, ничего, ничего, — бесвязно пробормотал он, опустив голову и думая о чем-то своем.

Она знала, о чем. Когда умирала в больнице мама, он точно так же сидел в коридоре, смотрел невидящими глазами в пустоту и стискивал свое горло. Только седины в его волосах тогда было меньше.

— Папа, все хорошо, — сказала она, желая его утешить. Ведь и вправду было хорошо! Она присела на корточки рядом с ним, пытаясь поймать его взгляд. — Не волнуйся так!

Отец не услышал.

— Зачем я отпустил ее, да еще так поздно? Пусть бы Максим вернулся и забрал.

По разные стороны вечности

— Но ведь она сама хотела! Кто мог подумать... Зачем себя изводить? — Оксана, видимо, сказала это уже не в первый раз, и не особенно надеясь, что ее услышат. — Надо верить. Врач сказал...

— Я знаю, что он сказал. Что шансов немного. Серьезная травма головы.

— Прекрати! — Теперь голос Оксаны звучал сердито. — Немного шансов — это не значит, что их совсем нет! Она молодая, сильная, выкарабкается. Молиться надо, а не в отчаяние впадать.

Отец поднял голову и поглядел на жену, как будто только что заметил, что она рядом. Погладил ее по щеке, провел ладонью по светлым вьющимся волосам. Невысокая, круглолицая, с лучистым взглядом голубых глаз и мелодичным нежным голоском, который звенел прозрачным колокольчиком, Оксана была ни дать ни взять сказочная Девочка-Снегурочка.

— Ты права, Ксюша. Как всегда, права. Что бы я без тебя делал?

Оксана улыбнулась неуверенно, даже робко, словно не могла сообразить, серьезно ли он говорит.

— Все обойдется, вот увидишь. Она поправится. Обязательно.

— Ты сама-то как? — спохватился он. — Нормально? Сколько мы уже тут...

АЛЬБИНА НУРИ

— Нормально, — отмахнулась Оксана. — Мне-то что сделается?

«А где Максим?» — вдруг подумала она, и отец, подслушав ее мысли, внезапно спросил:

— Максим? Он здесь?

Оксана вздохнула и указала куда-то вбок.

— Вы, мужчины, предпочитаете переживать в одиночку.

Оба — и отец, и Магда — синхронно повернулись в ту сторону, куда она указывала.

— Макс! — воскликнула Магда и вскочила на ноги.

Муж стоял спиной к ним, уставившись в черноту за окном. Застыл неподвижно, засунув руки в карманы брюк. Он постоянно говорил, чтобы Магда водила аккуратнее, а ей так хотелось доказать ему, что она уже вполне уверенно чувствует себя за рулем!

— Сходи к нему, — велел отец, и Оксана послушно засеменила к Максиму.

Магда оглянулась на отца, хотела сказать еще что-то успокаивающее, но передумала: все равно ведь не услышит. Она вздохнула и прикоснулась к его жестким на ощупь волосам. «Как проволока!» — смеялась мама.

Мама... Может быть, она скоро увидит ее?

Отец закинул ногу на ногу и снова прижал ладонь к горлу, нахохлился, ушел в себя. Магда поглядела на Максима. Оксана уже подошла

По разные стороны вечности

к нему и что-то негромко говорила, поглаживая его по плечу.

Магда оставила отца и направилась к ним. Она хорошо ладила с Оксаной, даже любила мачеху, которая была всего на шесть лет старше ее самой. Но сейчас ей захотелось, чтобы Оксаны не было возле Макса. Пусть бы она отошла от него, вернулась к отцу. Почему-то показалось: если они с мужем останутся наедине, то он сумеет догадаться, что она рядом. Ведь они всегда чувствовали друг друга!

Но Оксана не думала уходить. Она вполголоса говорила что-то, быстро-быстро, и сначала слов было не разобрать. А потом Магда оказалась совсем близко, в двух шагах, и слова Оксаны зазвучали отчетливо.

Максим отвечал ей, и Магда, застыв подле них, как соляной столб, слушала, что он говорит.

Незамеченная. Невидимая. Не...

Внезапно все изменилось.

Она увидела... Она не могла *этого* видеть!

Фигуры Максима и Оксаны начали удаляться, таять. Голоса их звучали все тоньше и тоньше, напоминая комариный писк. Потолок, стены, окна, мебель — все вокруг завибрировало, задрожало. Пол поплыл под ногами, и Магда выбросила руку вперед, чтобы ухва-

АЛЬБИНА НУРИ

титься хоть за что-то, но это ей не удалось: держаться больше было не за что.

Мир сделался зыбким, неверным, завертелся в разноцветном безумном вихре, и она, крича от ужаса, полетела куда-то, не то проваливаясь в бездну, не то взмывая на невыносимую, недостижимую высоту.

ГЛАВА 1

«Для моих девочек — все самое лучшее!» — часто говорил отец, имея в виду Магду и ее маму. И старался, прикладывая все усилия, чтобы дать им это лучшее, поэтому Магда выросла в уверенности, что окружающий мир — замечательное место, а она сама достойна счастья и любви.

Когда Магда училась на третьем курсе института, мамы не стало. Через несколько лет у отца появилась Оксана, но кое-что осталось неизменным: он продолжал заботиться о своих девочках — дочери и новой жене.

Максим, муж Магды, немного напоминал отца, по крайней мере, он тоже считал, что должен принимать на себя ответственность за тех, кого любит.

Сидя на кровати, Магда смотрела в окно и думала, что жизнь ее, за исключением смерти мамы, всегда была безоблачной. Ни забот о хлебе насущном, ни серьезных проблем. До

АЛЬБИНА НУРИ

двадцати четырех лет дожила, не зная стоимости коммунальных услуг и цен на продукты. Когда-то этому везению должен был прийти конец, вот оно и закончилось. Аварией.

Хотя это еще как посмотреть. Другая бы, может, погибла, а Магда спустя пару месяцев уже почти полностью оправилась. Повзрослела, осунулась, стала себя ощущать по-другому, но ведь инвалидом не стала, к постели не прикована. Правда, имелась еще амнезия: сама авария и то, что за ней последовало, начисто стерлись из памяти.

Посттравматический синдром. Или, может, еще какой-то мудреный диагноз. Но это мелочь, которая никак не могла повлиять на дальнейшую жизнь.

— Склероз — самая хорошая болезнь. От нее невозможно вылечиться, но о ней можно забыть. А если серьезно, то даже хорошо, что ты ничего не помнишь. Твое подсознание позаботилось о том, чтобы ты не мучилась тяжелыми воспоминаниями. — Оксана каждый раз, когда приходила навещать ее, одна или с отцом, старалась внушить Магде эту мысль, и в конце концов у нее почти получилось.

— А что спишь неважно, кошмары мучают, так это, милая моя, пройдет. Дай срок. Но вообще-то должно же хоть что-то на память остаться! Чтoб боялась и больше не гоняла! — Это уже Ла-

По разные стороны вечности

риса говорила, медсестра, с которой Магда сдружилась за тот месяц, что провела в санатории.

Магда сомневалась, что хоть когда-то сможет сесть за руль, так что напоминания в виде сновидений, от которых просыпаешься в холодном поту, ей были без надобности, но с Ларисой она не спорила. Она вообще никогда ни с кем не спорила, не ссорилась — такой уж характер. Покладистый, незлобивый. Сама Магда считала себя слабой и ведомой, отец с Максом предпочитали говорить, что она добрая и светлая.

— Не спишь? — В палату заглянула Лариса.

Магда улыбнулась и покачала головой.

— Пол-одиннадцатого, — констатировала медсестра и вошла, прикрыв за собой дверь.

Рослая, пышная, с полными руками и румяными щеками, она словно сошла с полотен Кустодиева.

— Я попрощаться: утром рано сменюсь, не увидимся.

— Домой хочется — ты не представляешь. Больница, реабилитационный центр, санаторий... До смерти надоело.

Палата ее, если честно, больше напоминала номер в хорошей гостинице: красивая мебель, картины, телевизор, лоджия. Вот только это был казенный, не домашний уют — безликий, созданный чужими, равнодушными руками.

АЛЬБИНА НУРИ

— Ясное дело, — согласилась Лариса. — Ничего, немножко осталось. Муж за тобой приедет?

— Приедет, — кивнула Магда. — Папа тоже хотел, но у него важное совещание, не сможет отменить. Да и зачем? Что мы, вдвоем до дому не доберемся?

— Золотые у тебя мужики. Что один, что другой, — с оттенком горечи заметила Лариса, которая, преодолев тридцатилетний рубеж, выйти замуж уже почти не надеялась. Как она могла найти подходящего, если все мужчины попросту терялись на ее фоне, казались мелкокалиберными и малахольными.

Они поговорили о том о сем еще пару минут. Магда подумала, что это похоже на прощание в купе поезда: скоро вагон тронется, провожающие выйдут на перрон. В оставшиеся десять-пятнадцать минут всем неловко: непонятно, о чем говорить, близкие люди держатся натянуто, как едва знакомые.

Когда разговор окончательно заглох, девушки пообещали друг другу созваниваться и писать, и Лариса ушла, погасив за собой свет.

Магда легла в кровать и устроилась поудобнее, подтянув ноги к животу. По привычке прислушалась к себе: ничего не болит, не ноет. Во время аварии она сильно ударилась головой,

По разные стороны вечности

получила черепно-мозговую травму, а еще были сломаны два ребра и кисть руки.

Но теперь боль ушла, никакого дискомфорта Магда не ощущала и уже почти привыкла снова чувствовать себя здоровой. «Завтра буду спать дома», — счастливо подумала она и закрыла глаза, почти моментально провалившись в сон.

Обычно Магда закрывала на ночь шторы, но в этот раз позабыла. Было полнолуние, и огромная, круглая, не прикрытая завесой облаков луна заглядывала в комнату, расстелив на полу сверкающую белым серебром дорожку.

Этот раскрывшийся в ночи глаз, наверное, и разбудил Магду. Она спала, повернувшись лицом к окну, и призрачный луч был направлен прямо на нее. Вставать и задергивать шторы было лень: слишком хорошо она пригрелась, «приудобилась», как говорила Лариса.

Магда повернулась на другой бок. Электронные часы на прикроватном столике показывали два тридцать. Еще спать и спать. Магда обхватила руками подушку и хотела снова попытаться заснуть, как взгляд ее, скользнувший по комнате, зацепился за что-то. В первый момент она даже не поняла, что это, а потом услышала тихий вздох.

«Здесь кто-то есть!»

Она вскинулась на кровати и поглядела туда, откуда донесся звук. Так и есть — в кожаном

АЛЬБИНА НУРИ

кресле, что стояло возле двери, сидел человек. Женщина.

«Лариса?» — это было первое, что пришло в голову.

Но уже в следующий миг Магда поняла, что ошиблась, никакая это не Лариса. В лунном свете она хорошо видела склоненную голову, стянутые в тугий пучок волосы на затылке. На женщине был халат, ноги обуты в тапочки — выходит, тоже пациентка. Руки незнакомки были зажаты между сведенных вместе коленей, плечи опущены. Она тихонько пробормотала что-то невнятное, сопроводив свои слова очередным тяжким вздохом.

Спрашивать, как она сюда попала, не имело смысла: ясно, что через дверь, которую Магда никогда не запирала. Правда, прежде никто никогда не навещал ее по ночам. Если бы она могла предположить, что кто-то из пациентов захочет прийти сюда, не была бы столь беспечной.

— Послушайте... — начала Магда и умолкла, не зная, что сказать. Поерзала, откашлялась. — Вы что тут делаете? Что вам нужно? Зачем сюда пришли?

Женщина подняла голову и посмотрела на девушку. На вид ей было около шестидесяти или чуть больше. Она повела плечами, нервно дернула одной рукой за ворот халата.

— Нина Самсонова, — сказала она. — Нина.

По разные стороны вечности

— Вас так зовут? Приятно познакомиться. А я Магда.

— Зачем они так со мной поступили? — плаксиво спросила Нина, и рот ее искривился коромыслом. — Оставили и забыли... Всегда они так! А я и ехать сюда не хотела.

«Только этого не хватало, — подумала Магда. — Мне-то что теперь со всем этим делать? Почему ее именно сюда занесло?»

— Нина, — она села в кровати, — не плачьте, пожалуйста. Успокойтесь. Давайте я позову кого-нибудь. Врача или медсестру.

Женщина не ответила, вместо этого опять склонила голову и забормотала что-то. На Магду она больше внимания не обращала.

Так, похоже, это надолго. Девушка отбросила одеяло, встала с кровати и направилась к двери. Когда шла мимо Нины, та плакала уже в полный голос.

Медсестры на месте не оказалось. Магда пошла искать Ларису, даже спустилась на другой этаж, но той нигде не было. Больница как будто вымерла, и Магде стало не по себе. С другой стороны, чего ж тут удивительного? Третий час ночи. Всем положено спать — они и спят.

Вернувшись обратно на свой этаж, Магда увидела, что дверь ее комнаты приоткрыта. То ли она сама неплотно закрыла ее, то ли Нина решила-таки уйти.

АЛЬБИНА НУРИ

Зайдя к себе, Магда увидела, что верным оказался второй вариант: женщина и в самом деле ушла. Девушка облегченно вздохнула и заперла дверь. Мало ли, вдруг Нина передумает и снова придет сюда рыдать.

Остаток ночи прошел спокойно, правда, заснула Магда не сразу. Макс, который пришел забирать ее из санатория, сказал, увидев жену:

— Ты что-то бледненькая сегодня. Спала плохо? Опять кошмары?

Собственно, не кошмары, а кошмар — говорить надо было в единственном числе. Снилось всегда одно и то же. Магда оказывалась в незнакомом помещении: длинный узкий коридор-кишка, ни дверей, ни окон. Она бежала по нему, пытаясь найти выход, но он только удлинялся, заворачивал то вправо, то влево и не думал заканчиваться.

В какой-то момент Магда сознавала, что он ведет ее к чему-то плохому и страшному, и тут в конце коридора появлялись люди. Кто — непонятно, просто две темные фигуры, не ясно даже, мужчины или женщины.

Увидев их, Магда хотела повернуть назад: ее колотило от ужаса, она точно знала, что ей нельзя к ним приближаться. Но не могла ни развернуться, ни даже просто остановиться: неведомая сила толкала ее в спину, заставляя мчаться вперед с нарастающей скоростью. Она

По разные стороны вечности

пыталась упираться руками в стены, но затормозить не получалось, и Магда, вопя от страха, летела навстречу темным силуэтам. А они тем временем начинали разворачиваться к ней лицом. Секунда — и она разглядит, кто это, но видеть этого нельзя ни в коем случае!

Сон заканчивался всегда одним и тем же. В последний миг загадочные черные фигуры расступались, давая ей дорогу, и она видела, что прямо перед ней — бездна. Видела — и на полной скорости, не успев даже побалансировать на грани, падала вниз с огромной высоты.

— Нет, сегодня никаких кошмаров, — ответила Магда, застегивая плащ. Пока она валялась на больничных койках, короткое скупое лето успело закончиться. На календаре было десятое сентября. — Представляешь, просыпаюсь среди ночи, а тут женщина сидит!

Максим, который уже направлялся к двери, легко подхватив сумки, остановился:

— Что за женщина? Зачем приходила?

— Назвалась Ниной Самсоновой. Жаловалась на кого-то, говорила, что ее бросили, что ехать сюда не хотела. И плакала.

— А ты?

— А что я? Встала, пошла искать кого-нибудь из персонала. Пока ходила — никого, кстати, не нашла! — Нина уже успела уйти. Все.

АЛЬБИНА НУРИ

— Вечно ты в истории попадаешь, — усмехнулся Максим. — Ладно, пошли домой. Буду теперь за тобой присматривать.

Он вышел в коридор, а Магда еще раз оглядела себя в зеркале. Ужас, тихий ужас! Тощая, ключицы торчат, кожа тонкая, бледная до прозрачности. Зеленые кошачьи глаза кажутся непропорционально большими на слишком худом лице, и в сочетании с острыми скулами и бледным ртом делают ее похожей на инопланетянку. Да еще и волос нет: во время операции Магду обрили, и они только-только начали отрастать. Мальчишеская стрижка лишь подчеркивала болезненную хрупкость облика.

— Милая, ты идешь? — позвал из коридора Максим.

— Иду! — Она без сожаления обвела взглядом палату, в которой провела три недели, и вышла, больше уже не оборачиваясь.

Максим улаживал последние формальности у стойки администратора, избавив от этого жену. Ей хотелось поскорее покинуть санаторий, и она, не дожидаясь Макса, вышла из холла, направилась в сторону автостоянки.

Небо затянули пыльно-серые тучи, начал накрапывать мелкий дождик. Небольшой парк был пуст: никому не хотелось гулять в такую погоду. Скоро подуют холодные северные ветры, клены и березы лишатся листьев и будут торчать

По разные стороны вечности

голые, сиротливые, ожидая прихода зимы, которая прикроет их стыдливую наготу.

Лето в наших краях пронзительно короткое, подумалось Магде. Ждать его приходится так долго, а оно погостит месяца три и торопится умчаться прочь. В этом году Магда лета и вовсе не видела: июнь выдался зябким и дождливым, а в начале июля случилась авария.

От санатория «Элегия» до Казани — больше ста километров. Магда нервничала, хотя и старалась не подавать виду. Это будет первая с того страшного вечера обычная автомобильная поездка — не на «Скорой», не в машине для перевозки больных. Поколебавшись мгновение, она села на пассажирское сиденье.

Сможет ли она совладать с собой, когда увидит мчащиеся в обе стороны потоки автомобилей? Справится ли с эмоциями?

— Малыш, может, на заднем сиденье тебе будет спокойнее? — Максим подошел к машине, держа в руках какие-то бумаги.

Неожиданно Магда почувствовала раздражение: как же она устала от подчеркнуто участливого тона, тревожных замечаний, сочувствия во взглядах, от того, что все обращались с ней, как с раритетной вазой, которая в любой момент может свалиться с полки и разбиться! Тут помимо воли начнешь ощущать себя глубокой старухой или смертельно больным человеком.

АЛЬБИНА НУРИ

— Я достаточно спокойна и отлично себя чувствую, — прохладно ответила Магда.

Максим посмотрел на нее и хотел сказать что-то, но передумал. Автомобиль вырулил со стоянки, покатил в сторону города, и спустя несколько минут Магда почувствовала, что напряжение отпускает ее.

Муж вел уверенно и аккуратно, скорость движения была невысокая, дорога не перегружена, и девушка призналась себе, что начинает испытывать удовольствие от поездки. Ей стало неловко от того, как сухо она ответила Максиму в ответ на проявление заботы.

— Прости, что так отреагировала. Я не хотела на тебя рычать, просто немного перенервничала, — повинулась Магда.

Максим накрыл ее ладонь своей рукой и легонько сжал.

— Все отлично, ты умница. Любой бы на твоём месте нервничал. Музыка включить?

Магда отрицательно покачала головой. Муж выпустил ее ладонь, снова взявшись за руль обеими руками.

— Знаешь, я сказал администратору про женщину, что к тебе приходила.

— Зачем? — удивилась Магда.

— Пациенты не должны разгуливать по ночам и забредать в чужие палаты. — Максим недовольно нахмурился. Он был финансистом, за-

По разные стороны вечности

нимался налогами и во всем стремился соблюдать порядок и дисциплину.

— Что она ответила?

Максим вскользь глянул на Магду.

— Сделала вид, что такого не могло быть.

— Что значит — «не могло»? Они что, привязывают людей к койкам?

— Не в этом дело. Она спросила, как зовут эту беспокойную дамочку, я ответил, что Ниной Самсоновой. Правильно?

Магда кивнула.

— Ну вот. Администратор принялась меня уверять, что ты перепутала. Эта самая Нина никак не могла прийти к тебе ночью в палату, потому что накануне вечером скончалась от сердечного приступа.

— Что? Глупость какая! Не привиделась же она мне!

— Вот именно. Не привиделась, а потом, откуда тебе было знать о существовании женщины с таким именем? Я лично думаю, это приходила ее соседка по палате или знакомая. Приняла близко к сердцу смерть подруги, пошла прогуляться. Может, она не свое имя тебе назвала, а просто хотела рассказать про Нину. Ты же говорила, она жаловалась, плакала?

— Да, плакала, — подтвердила Магда.

— В общем-то, все это не имеет особого значения: кто приходил, зачем. — Максим плавно

АЛЬБИНА НУРИ

притормозил на перекрестке. — Главное, им бы следовало лучше следить за пациентами. Ты сама говорила, на сестринском посту никого не было, а если бы медсестра была там, где ей полагалось быть, то заметила бы плачущую женщину. Приняла бы меры, дала успокоительного.

Муж говорил еще что-то, Магда не вслушивалась. Воспоминания о минувшей ночи постепенно выветривались из памяти, ей не хотелось говорить об этом, не было желания возвращаться мыслями ни к санаторию, ни к его обитателям. Даже с Ларисой она теперь не стремилась общаться: вчера казалось, что они подруги, а сегодня — что нужно оставить все связанное с травмой, больницами, лечением в прошлом и жить дальше.

— Давай все-таки послушаем что-нибудь, — сказала Магда и включила радио.

Максим, которого она перебила на полуслове, удивился, но говорить ничего не стал.

ГЛАВА 2

Ночные кошмары не прекратились. Через две недели после возвращения из санатория Магда уже не могла себя обманывать: ей стало хуже, и само по себе это состояние не пройдет.

Она не могла понять, что должен означать повторяющийся из ночи в ночь сон, какую информацию он несет. Просыпаясь, Магда пыталась сообразить, кого она видела, кто эти таинственные безликие, безымянные фигуры, но разгадка всякий раз ускользала.

Сновидение посещало ее в одно и то же время: она просыпалась в поту, дрожа, как в лихорадке, в половине второго ночи и после уже больше не могла заснуть до самого утра. Видела на электронном циферблате и три, и четыре, и пять часов. Потом, видимо, забывалась тревожным сном, чтобы встать вместе с Максимом в семь.

Муж уходил на работу, а она слонялась по квартире, не в силах ничем себя занять, чувствуя

АЛЬБИНА НУРИ

себя невыспавшейся и совершенно разбитой. Даже если бы она и трудилась в какой-нибудь конторе, применяя никчемное, неизвестно за чем полученное образование социолога, сейчас все равно пришлось бы уволиться: стало сложно сосредоточиться на чем-либо.

Магда прибирала кровать, без аппетита жевала что-то на завтрак, запивая съеденное кофе с молоком и сахаром, заставляла себя выйти из дому, прогуляться, купить продуктов к ужину, сделать уборку.

Прежде девушка любила читать, теперь же буквы расплывались перед глазами, и чтение казалось невыразимо скучным занятием. Ни одна книга не могла вызвать интереса, заставить следить за сюжетом.

Чаще всего, возвращаясь с работы, Максим заставлял жену сидящей в кресле перед телевизором. Она не хотела, чтобы он видел ее такой — вялой, растрепанной, поэтому пыталась изображать оживление, веселость, заинтересованность в том, о чем он говорил. По всей видимости, без особого успеха, потому что Магда каждый раз замечала, как он хмурит брови, глядя на нее.

Наверное, лучше всего было бы поговорить с ним обо всем откровенно, но она не могла решиться. Как в народе говорят, муж любит жену здоровую, а брат — сестру богатую. Ей не хоте-

По разные стороны вечности

лось выглядеть в его глазах больной, беспомощной, поникшей, стыдно было жаловаться и доставать нытьем. Максим и без того вымотался за эти месяцы, а ведь ему нужно было еще и работать, обеспечивать семью.

— Как ты сегодня? — спрашивал он, снимая пальто в прихожей.

— Все отлично, Макс, — фальшиво улыбалась она, надеясь, что улыбка хоть немного напоминает выражение искренней радости.

В одну из ночей, пробудившись и увидев на часах знакомые цифры, она почувствовала, что больше не может выносить этого. Встала, вышла из спальни и села в любимое кресло в гостиной, стараясь успокоиться и решить, как быть дальше.

Ночник разливал возле нее небольшое облачко света, остальная комната была погружена во мрак, по углам прятались тени. Ей на миг показалось, что она находится на необитаемом острове, а вокруг — темное море, глубины которого таят опасность. Она одна, совсем одна...

— Магда? Почему не спишь? — Максим возник в дверном проеме неожиданно и бесшумно, и она едва сумела подавить испуганный взглас.

— Бессонница, — коротко ответила она, стараясь восстановить сбившееся дыхание.

— Это так и не прекратилось? Твои сны?

АЛЬБИНА НУРИ

У нее не было сил врать и придумывать для него утешительную версию, поэтому она сказала правду:

— Стало только хуже. Теперь кошмар снится каждую ночь, потом я не могу заснуть, а после весь день хожу, как вареная.

Произнося эти слова, Магда почувствовала, как к горлу подступают слезы.

— Послушай, малыш. — Макс быстро пересек комнату, в два шага оказавшись возле нее, и присел на колени перед креслом. — Тебе сейчас нелегко. Представить невозможно, что тебе пришлось пережить, и это...

— Не может пройти бесследно, — закончила за него Магда словами Ларисы. — Я знаю.

— Вот видишь. — Он погладил ее по щеке. — Все пройдет, нужно только подождать.

«Скажи еще, что время лечит, и я тебе в лицо плюну», — с неожиданной злостью подумала Магда. На мгновение она ощутила такую ненависть к Максиму, что стало трудно дышать. Она сжала челюсти, чтобы удержать рвущиеся с губ злые слова. Где ему понять ее?! Легко ему сидеть тут и рассуждать. Он-то прекрасно себя чувствует, отлично высыпается и ест с аппетитом, тогда как она обречена на страх и бессонницу.

Секунду спустя вспышка неприязни прошла, и теперь Магда сама не понимала, как могла ис-

По разные стороны вечности

пытывать что-то подобное по отношению к своему мужу — любимому, такому родному и близкому.

— Прости, — вырвалось у нее.

Максим понял эти слова по-своему. Он сгрел ее в охапку, поднял из кресла и прошелся по комнате, держа ее на руках, баюкая, как ребенка.

— Малышка ты моя, хрупкая веточка, маленькая девочка, — прошептал он, уткнувшись лицом в ее шею. — С ума сошла — прощения просить? Что бы с тобой ни происходило, я рядом. — Стало горячо и щекотно, и она хихикнула. По телу побежали мурашки. — Все будет хорошо, вот увидишь.

Той ночью Магда спала отлично. Не слышала, как поутру Максим ушел на работу, проснулась поздно и чувствовала себя полностью отдохнувшей. Забытое, чудесное ощущение. «Кажется, жизнь налаживается», — подумала она, отправляясь в ванную.

Вытирая волосы после душа, она подошла к зеркалу и... Полотенце выпало из рук.

«Кто это?»

Потрясение было настолько сильным, что Магда не сумела даже закричать — стояла и смотрела на свое отражение.

«Не может быть!»

Она зажмурилась, а когда открыла глаза, все было нормально. Снова перед ней — ее бледное

АЛЬБИНА НУРИ

скуластое лицо в обрамлении коротко стриженных темных волос.

— Привидится же такое, — выдохнула она, вспоминая лицо девушки, которое отражалось в зеркале минуту назад.

Старше Магды — лет двадцати восьми, с каштановыми волосами чуть ниже плеч, длинной густой челкой, большими карими, вытянутыми к вискам глазами, хрящеватым тонким носом. На подбородке — небольшой, давно заживший, едва заметный шрам. Запоминающееся, выразительное лицо. Не столько красивое, сколько яркое, дышащее дикой, необузданной силой. Лицо, которое Магда, оказывается, за доли секунды рассмотрела и запомнила во всех подробностях.

В два часа пришел отец. Раньше, пока он не женился на Оксане, они время от времени обедали вместе: встречались в городе или же она заглядывала к нему в офис. К ним с Максимом домой он тоже приезжал, если оказывался поблизости. Однако в последние два года такого почти никогда не случалось, и Магда сразу поняла, как он здесь оказался.

— Тебе Макс рассказал, что я себя плохо чувствую? — с порога спросила она.

— Что же я, не могу просто так, без причины захватить проведать любимую дочку? — попробо-

По разные стороны вечности

вал отшутиться он, но потом признался: — Он сказал, ты расстроена.

Позже, когда они были на кухне и Магда накрывала на стол, отец сказал:

— Позвонил сегодня Гудованцеву. — Это был профессор-невролог, который наблюдал Магду. — Он говорит, физически ты здорова, никаких отклонений при выписке не было. Можно еще раз обследовать тебя, но вряд ли это даст что-то новое. Единственное, конечно...

— Знаю. Мне все твердят про последствия травмы, — перебила она, ставя перед ним тарелку с супом. — Ешь давай.

— Рассольник? Обожаю, как ты его готовишь! — Его энтузиазм был преувеличенным лишь самую чуточку.

Пока ели, не возвращались к вопросу о самочувствии Магды. Отец рассказывал, как съездил на прошлой неделе в Москву, делился новостями о строящемся доме: они с Оксаной решили поселиться за городом, под Казанью, работы шли полным ходом.

— Кстати, Оксаны что-то давно не слышно, — встрепенулась Магда. — Мы уже несколько дней не созванивались. Она не звонит, и я замоталась.

Ей показалось, по лицу отца промелькнула тень, но он быстро взял себя в руки.

АЛЬБИНА НУРИ

— Ксюша у матери в Чебоксарах, уехала на недельку погостить. Вернется — созвонитесь.

Магда собрала грязную посуду, поставила в мойку. Чайник требовательно засвистел, закипая.

— Совсем старый стал! — спохватился отец. — Я же вкусенького нам с тобой принес!

Пока она наливала ему чаю, а себе — кофе, он сходил в прихожую и вернулся с коробкой пирожных. Магда выкладывала их в тарелку и не сразу заметила его удивленный взгляд.

— Ты почему так смотришь?

— Кофе, — ответил он.

— Что — кофе?

— Ты же его терпеть не можешь. Даже запаха не выносишь.

Магда непонимающе посмотрела на отца, переваривая услышанное.

А потом поняла, что он прав. Она всегда пила только чай — причем чаще зеленый. Однако в последние две недели, вернувшись из санатория, по утрам выпивала по две, а то и три чашки крепкого сладкого растворимого кофе с молоком. Вот и сейчас, не задумываясь, положила в кружку две ложки коричневого порошка и залила кипятком.

Что бы это значило? Впрочем, какая разница. Люди меняются, привычки — тем более.

По разные стороны вечности

— Не любила, а теперь, значит, люблю, — сказала Магда, чувствуя, что изумление, написанное на отцовском лице, вот-вот выведет ее из себя.

Она опустила глаза, взяла пирожное и откусила кусок.

— Вкусное? Нравится? — Отец поспешил сменить тему. — Я попросил Гузель купить заварные с кремом, но она вернулась и сказала, что их сегодня не будет. А корзиночки свежайшие.

Гузелью звали отцовскую секретаршу. Корзиночки и вправду были вкусные, только ей было бы приятнее, купи он их сам.

«Что со мной сегодня? Откуда эта нелепая мысль?»

Отец занятой человек, ему некогда ходить по магазинам — он и не ходит никогда. Всю жизнь так было, и Магда давно к этому привыкла.

— Может, мне к психологу надо? — спросила она.

Он медленно опустил недоеденное лакомство на блюдце.

— Я как раз это и хотел предложить, — тихо сказал отец, и Магда поняла: он рад, что она сама об этом заговорила. — Только не знал, как ты отреагируешь. У меня и подходящий специалист на примете есть. Профессионал. Должен помочь.

АЛЬБИНА НУРИ

Магда внимательно посмотрела на него и вдруг отчетливо, по-особому остро осознала, какие чувства им сейчас владеют. Она всегда была папиной дочкой, привязанной к отцу сильнее, чем к матери. Погибни Магда в той аварии, папа был бы сломлен, уничтожен. Конечно, он не один на белом свете, у него есть Оксана, но детей ведь других нет.

Ей захотелось ободрить отца, сказать, как сильно он ей дорог, и она уже открыла было рот, потянулась к нему через стол, взяла за руку чуть выше кисти, а потом случилось *это*.

Кухня вместе с плитой, холодильником и мебелью, с цветами и сидящим за столом отцом куда-то пропала. Магда очутилась в длинном темном коридоре — кажется, том самом, который видела во сне. Только на этот раз, кроме нее, там никого не было.

Некая сила снова властно потащила ее вперед, и Магда, не пробуя противиться, раскинув руки, крутясь и переворачиваясь, как космонавт в невесомости, полетела куда-то. Поначалу в ушах стоял гул, но постепенно он начал распадаться на обрывки слов и фраз. Голоса — знакомые и чужие — звучали в голове все громче, четче, она их отчетливо слышала, но не понимала, о чем они говорят, и кое-что повторила вслух, чтобы вдуматься в смысл.

По разные стороны вечности

Перед глазами замелькали лица — некоторые опять-таки знакомые. Только выглядели они как-то непривычно. Спустя миг Магда разглядела среди этих людей своих родителей. Только видела она их совсем другими, не такими, какими знала и помнила, а гораздо моложе.

«Я попала в прошлое?»

Это было невероятно, потрясающе, ошеломляюще и закончилось так же внезапно, как началось. Она снова оказалась в своей кухне, на столе перед нею стоял недопитый кофе, а рядом сидел отец. И снова она была та же, что и всегда — прежняя Магда.

«Нет, не прежняя. Кое-что изменилось».

— Дочка, что с тобой?

Глаза отца округлились, рот приоткрылся. Никогда раньше она не видела на его лице выражения такого, почти комичного, потрясения. Ему словно дали пощечину.

— Ты никогда не говорил мне об этом, — сказала Магда и не узнала собственного голоса. Он звучал хрипло, как будто она была простужена. — Не только мне. Никому не рассказывал.

Из всего того калейдоскопа имен, голосов, лиц, который только что наполнял ее голову, уцелело не так много — остальное растаяло. Но то, что осталось, было чистым *знанием*. Магда ни за что не смогла бы сказать, откуда, каким обра-

АЛЬБИНА НУРИ

зом, но теперь она знала некоторые вещи — просто знала и все.

Отец сидел и ждал, что еще она скажет, и глядел на нее с тем же выражением недоверчивого ужаса. А Магда не могла промолчать — обретенное знание пульсировало в ней, просилось наружу, требуя выхода.

— Ты назвал меня в ее честь, — быстро проговорила она. — Мама хотела, чтобы я была Еленой или Натальей, но ты был против. «Пожалуйста, Галочка, позволь мне! Пусть она будет Магданой!» — Магда скопировала его интонацию так точно, что отец ахнул и вскинул руку к горлу — обычный его жест в минуты смятения. — Мама смеялась и спрашивала, где ты выкопал это чудное имя? И как же это будет сокращенно? Как нам ее звать? А ты сказал: Магда. До чего женственно и вместе с тем гордо звучит. Необычное, звучное, редкое имя. Мама согласилась. Но она так и не узнала, ты и ей не сказал! Магдана... — Она покатила слово на языке, пробуя на вкус, словно слышала впервые. — Магдана — так звали твою первую любовь. Наполовину грузинка, по отцу. Фамилии я не разобрала. Что-то такое... на «ания» заканчивается.

— Белкания, — прошептал отец.

Магда не услышала.

По разные стороны вечности

— Она училась в твоей школе, только была на год младше. Яркая высокая брюнетка, фигура — гитара, глаза вполлица. Умела так смеяться, что все вокруг тоже принимались хохотать, даже если понятия не имели, над чем. Но уж если сердилась — держитесь! Искры летели. Магдана танцевала грузинские танцы... очень красиво, все засматривались. Отца у нее не было, мать... «Гого» — девочка. Кажется, так она ее называла. Ты был без ума от Магданы, а как она тебя любила! Вы собирались пожениться. Что-то произошло... — Голос ее упал до шепота. — Она любила купаться, но плохо плавала. Пошла на реку купаться и утонула. Девятнадцать... ей было всего девятнадцать лет. Тело нашли быстро. Но ты не видел. Не видел ее... такой. — Она перевела дух. — Мертвой. Ты назвал меня в честь мертвой девушки.

Выговорив эту фразу, Магда замолчала. Слова как будто закончились, больше она не могла произнести ни единого звука. Навалилась усталость — плотная, тяжелая, как бетонная плита. Осмысливать произошедшее, задаваться вопросами не хотелось. Ей не нужны были объяснения — ни того, что произошло сейчас, ни случившегося в далеком прошлом, когда ее и на свете не было.

И даже когда отец, отведя наконец-то от нее взгляд, уронил голову на стол, обхватил ее ру-

АЛЬБИНА НУРИ

ками, сцепив пальцы на затылке, и горько, натужно зарыдал, Магда ничуть не взволновалась, не испугалась, вообще ничего не почувствовала.

Внутри — там, где только что жило диковинное знание, — теперь была лишь звенящая гулкая пустота.

ГЛАВА 3

Прием сегодня был назначен на одиннадцать, сейчас уже без десяти, а Магда только что вышла из подземки. Если поторопится, она успеет как раз вовремя, впритык, но спешить не хотелось. Вообще не было никакого желания встречаться с благостным Константином Львовичем.

Сеансы состояли из двух частей: сначала психотерапевт задавал вопросы (практически всегда одни и те же), а потом погружал ее в некое подобие транса, уговаривая успокоиться, забыть обо всем плохом и жить дальше (боже, какая штампованная, до зубовного скрежета заезженная чушь!).

Магда сама не понимала, почему психотерапевт, которого нашел отец, вызывает у нее такую неприязнь. Вроде бы все в нем хорошо: доброжелательный, симпатичный, опытный, отзывчивый. Большие глаза за поблескивающими стеклами очков, борода как у Деда Мороза, мягкая понимающая улыбка.

АЛЬБИНА НУРИ

Но уж больно много было в той улыбке безапелляционного всезнайства, понимания, сахаристой, ласковой сладости. Как будто Константин Львович точно знал, что она, Магда, убогая и ущербная, и жалел ее, отлично сознавая при этом, что принимать пациентку всерьез вовсе не обязательно: в голове-то у нее полнейшая несуразица, каша. А ему, бедному, эту кашу приходится расхлебывать.

Наверняка Константин Львович так не думал, честно старался помочь, так что и злиться на него не следовало. Но сколько бы Магда себя ни уговаривала, сколько бы ни старалась успокоиться и проникнуться доверием к доктору, ничего не помогало. В глубине души девушка точно знала, что ходить к нему в ее ситуации бесполезно, так зачем мотаться туда через весь город, садиться в кресло и в который уже раз пересказывать свой сон?

Неделю назад, вечером того дня, когда с Магдой случилось то, что Максим и отец предпочитали называть «припадком», она лежала в спальне с задернутыми шторами и слышала их приглушенные взволнованные голоса.

Они думали, Магда спит, поэтому старались говорить тихо, и она не могла разобрать всего сказанного. К тому же была одурманена лекарством и время от времени словно уплывала куда-то на теплых волнах.

По разные стороны вечности

— Откуда, скажи на милость, она могла об этом узнать?

Максим ответил что-то.

— Да я никогда никому не рассказывал!

Снова голос Макса. Магда провалилась в туман, а когда вынырнула, услышала, как отец говорит:

— Думаю, нам придется ей сказать. Все равно она узнает. Да и потом, чем это может повредить?

Когда отец ушел, а Максим заглянул в спальню проведать жену, узнать, как она себя чувствует, Магда окончательно проснулась и спросила:

— О чем вы говорили? Что придется мне сказать?

Брови Макса подпрыгнули вверх. Он попробовал потянуть время, чтобы сообразить, как лучше ответить — был не готов к вопросу.

— Мы думали, ты спишь, — промямлил он.

— Я и спала. Но в какой-то момент проснулась и услышала. Так что случилось?

— Не хотели волновать тебя понапрасну, вот и не сказали. И врачи тоже посчитали, что... — Он подошел к кровати, сел возле жены. Она ждала, не зная, к чему готовиться, и потому сердясь на его нерешительность. — Милая, ты пережила клиническую смерть. Сердце остановилось, когда ты была на операционном столе.

АЛЬБИНА НУРИ

Магда молчала: не знала, как реагировать. Как вообще можно отреагировать, когда узнаешь, что побывала на том свете и вернулась?

— Я понимаю, как это звучит, но ты не волнуйся. Все давно в прошлом, ты поправи-лась, выздоровела. — Он вздохнул. — Когда мы с твоим отцом узнали о... ну, об этом, конечно, чуть с ума не сошли. Но теперь-то все позади. И уж конечно, на состояние твое никак не влияет.

Они еще некоторое время говорили об этом, а потом Магда свернула разговор. Видела, что Максиму, человеку рационально мыслящему, непонятны и потому неприятны овладевшие ею, как он полагал, мистические настроения.

Ей-то самой казалось, что теперь она подобралась к первопричине ночных кошмаров, страхов и снов: разве может пройти бесследно, если ты какое-то время, пусть и считанные секунды, пробыла между «здесь» и «там», между жизнью и небытием? И про черный коридор, заканчивающийся светом, многие очевидцы рассказывают. Правда, она никакого света не видела...

Скорее всего, и сеанс ясновидения как-то объясняется ее путешествием за грань реальности. Правда, какая тут связь, непонятно, но мало ли. Человеческий мозг — загадка.

По разные стороны вечности

Максима загадки только сердили. Он стремился найти разумное объяснение — и это было не так уж сложно. Полагал, что про грузинку Магдану она узнала от отца: тот мог проболтаться, сам того не помня, а Магда случайно услышала. Может, и забыла об этом, и даже значения в тот момент не придавала, однако в стрессовой ситуации информация, оставшаяся в подкорке, вылезла наружу. Что же до плохого сна... Вот тут они снова и снова возвращались к тому, что Максим именовал помощью специалиста.

Магда, естественно, подчинилась. Отец тоже настаивал на немедленном визите к психотерапевту. Только с посещением доктора как-то сразу не задалось.

Когда она впервые поднималась в лифте на пятый этаж, где находился медицинский центр «Психея», ее вдруг охватило чувство дежавю. Показалось, что она бывала здесь прежде.

Правда, время от времени такое случается с каждым, происходило что-то подобное и с Магдой. Но все же это не было похоже на испытанное ранее. Вместо смутного ощущения была уверенность.

Магда точно знала, что, когда двери лифта откроются, она выйдет из него и попадет в небольшой квадратный коридорчик. Напротив окажется деревце с узкими листочками, расту-

АЛЬБИНА НУРИ

шее в кадке, а над ним будет висеть картина. На картине — что-то непонятное, расплывчатые пятна, как будто на рисунок опрокинули стакан с водой и изображение оказалось размыто.

Видение промелькнуло в мозгу быстро, но было отчетливым и ярким. Магда не успела удивиться, откуда все это взялось в ее голове, как лифт остановился, и дверцы его разъехались в разные стороны.

Все было точно так, как ей привиделось: и «предбанник», и абстрактная картина в деревянной раме, и дерево в кадке. Слева была стеклянная дверь, за которой виднелся длинный коридор, застеленный зеленой дорожкой с дверями по обе стороны.

«Что дальше?» — спросила она сама себя, прислушиваясь к своим ощущениям. Но внутренний голос молчал. Магда понятия не имела, какая из дверей ей нужна и что будет ждать за нею. Она сделала глубокий вдох и взялась за ручку.

Кабинет Константина Львовича располагался почти в самом конце коридора. Все в «Психее» было призвано успокаивать расшатанные нервы пациентов: изумрудного цвета ковер на полу, приглушенное освещение, легкий цветочный аромат, витавший в воздухе, маленькие столики, уютные на вид кресла, бежево-золотистый оттенок обоев и картины — все те же,

По разные стороны вечности

повторяющиеся в разных цветовых вариациях, размытые абстрактные узоры.

Очутившись перед нужной дверью, Магда замешкалась на секунду, и тут ее снова озаарило. Еще не шагнув внутрь, она знала, что увидит небольшую приемную, девушку-медсестру за стойкой. На стеклянном столе будет лежать стопка разноцветных журналов. Кстати, медсестра...

Усилием воли прервав поток цветных кадров, которые заполнили ее голову, она отворила дверь и вошла.

— Добрый день, — улыбнулась девушка в бледно-зеленом форменном платье, сидящая как раз там, где и предполагала Магда. — Вы Магдана? Константин Львович вас уже ждет.

— Скажите, у вас не было гипса не так давно? На руке? — неожиданно для себя самой выпалила Магда и уточнила: — Вы руку сломали.

«Что я несу? С чего я это взяла?»

Улыбка на лице девушки увяла, в глазах возникло недоумение. Магда злилась на себя: кто ее за язык тянул!

— Вы разве были у нас? — неуверенно проговорила медсестра и потеряла тонкий серебряный браслет. — Но вообще-то да, полгода назад я упала и сломала запястье. В гипсе ходила.

Они смотрели друг на друга, не зная, что сказать. Неизвестно, что думала медсестра, но